

Дмитрий РАДИОНЧИК

Радиончик Дмитрий Николаевич родился 5 июля 1973 года в городе Гродно. Окончил филологический факультет Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Специальность: русская филология. Специализация: литературоведение. Поэт, автор трёх книг поэзии: «Пиррова техника» (2006); «Дым без огня» (2010); «Река безбрежная» (2015, книга-победитель Второго областного конкурса рукописей им. Тётки (А.Пашкевич) в номинации «поэзия»). С 2011 года – член Союза писателей Беларуси. С 2014 года – главный специалист Гродненского областного отделения Союза писателей Беларуси. Стихотворения и статьи публикуются в альманахах, коллективных сборниках, а также в литературных журналах «Нёман», «Белая вежа», «Новая Немига литературная» и других. Писатель сотрудничает с литературным порталом стран СНГ «Созвучие» и другими Интернет-ресурсами. Пробует свои силы в жанре поэтического перевода. Дмитрий Радиончик – инициатор и идейный вдохновитель целого ряда общественно-литературных проектов, среди которых уже знакомые гродненцам общественный дискуссионный клуб «Словодром», Гродненская общественная литературная школа и другие. В 2017 году в Варшаве (издательство «IBiS») вышла подборка стихотворений гродненского автора в переводе на польский язык. В 2018 году в издательстве «ЮрСаПринт» увидела свет новая книга Дмитрия Радиончика, дебют поэта в публицистике, сборник критических эссе «Навстречу попутному ветру». Поэт, публицист, литературный критик. Пишет на русском языке. Живёт в Гродно.

ЭЛЕГИЯ

Когда сквозь хор единоголосный
Пускают всё на самотёк,
Тебе шлёт жребий беспристрастный
Неописуемый восторг.

Когда из музы молчаливой
Сложу я силуэт безумства,
Чтобы в отчаянья витринах
Следить за совестью искусно,

Цветы желания увянут
В горшках, набитых нафталином,
И души падшие воспрянут,
И взгляды западут в витрины...

Когда сквозь хор единоголосный
И злые происки добра
Сулит твой жребий беспристрастный
Остаться одному сутра,

Не подкачай, спешу с ответом,
Борись за принципы с судьбой,
Из мести доверяй приметам,
На зов не покидая строй;

На память помни телефоны
Спустя огромные недели,
Не отвечая на поклоны,
Не откликаюсь на свирели.

И вскоре твой настанет праздник,
Восторжествует чертовщина,
Охрипнет колокол-проказник,
Страстей разверзнется пучина.

Из снов выуживает краски,
Из уст высасывает тайны,
Орнамент чертит на знамёнах
Великий деспот Здравый Смысл.
Шаги последствий бурной встряски
Я слышу в голосах случайных
И в замолчавших телефонах,
И в именах забытых чисел...

Твой прошлогодний снег
Стелется вслед за мной,
Мой за тобою вслед
Серой летит золой.

Твой недопетый гимн –
Ветер свистит в ушах –
Мой параллельный мир,
Стоит лишь сделать шаг...

Пятился прочь февраль,
Снег поспевал за ним.
Прожитых лет не жаль,
А тем более – зим...

Снова придёт апрель,
Как прошлогодний март –
Стужи с теплом дуэль,
Счастья бесцельный старт.

БАЛЛАДА О РАЗБИТОМ КОРЫТЕ

Вновь пробил час намерений благих,
Соблазны источая с новой силой.
Мой мир в твоих объятиях тугих
Трепещет на ветру мечтой бескрылой.

Я лезу вон из кожи, гну подковы.
Меня давно усталость не страшит.
Под грузом изобилия мирского
Вот-вот моё корыто затрещит.

Как чаша незабвенного Грааля,
Наполнено осколками мечты,
Разбитое корыто, мне едва ли
Спасти тебя от вящей пустоты.

Прошла любовь, и веры карта бита.
Но не иссяк надежды ручеёк,
Чем полнится заветное корыто,
Которое латать не вышел срок.

Корыто ли, ковчег... О, имяреку!
Разбить, разрушить, значит, перейти
Ту грань добра и зла, войти в ту реку,
Где ни добра, ни зла уж не найти.

Пробоина, как множество других,
Других прорех, проломов, преломлений,
Рождает предпосылки для сравнений
С оковами объятий дорогих.

Не дрогнуть бы, смиренно замеряя
Пробоины фатальной ширину
И вновь любить, и веру обретая
Всё ж не пойти ко дну!

2013

ТВОРЧЕСКИЙ КРИЗИС

То, что выглядит цельным на первый взгляд,
Привлекает нас совершенством форм,
Вдруг бывает разбросано невпопад,
Точно в знак попраiania мер и норм.

Тают намечаемые в словах –
Шансы проникновенья в калашный ряд,
Нотки пафоса, трелью звеня в ушах,
О бессилии автора говорят.

При попытке сквозь шелест чужих страниц
Различить искомые голоса,
Сквозь безмолвие плоти и пенье птиц
Внемлют смирные тверди и небеса.

Внемлют тихому шёпоту колокола.
Высыпается новых светил зола
Под брюзжание духа в плену страстей
В то, что выглядит миром из двух частей.

2011

* * *

Снова выпал снег,
Этот зимний след,
В прошлое побег,
Где сто лет в обед.

И на ужин – век.
Снова белый свет.
Просто выпал снег.
Ничего в том нет...

ЗАТМЕНИЕ

Всё остаётся в прошлом,
Брошено тёмной ночью.

Падают в бездну скуки,
Небу слагая гимны,
Эха пустые звуки;
Солнца мольбы наивны.

Жизни дымится остов,
Скроенный из погостов.

Всё остаётся в прошлом,
В выдохе дней истошном...

* * *

Снова июнь...
Солнцепёк — вездесущий оракул.
Душно душе, только верится в лучшее всё ж.
Ночью без сна я сидел бы в потёмках и плакал,
Вышел во двор подышать и попал бы под дождь...

Мне не дано ощутить эту тихую прелесть
Летних ночей и полудней, рождающих зной.
Я обращусь в мятых листьев таинственный шелест.
Тенью моей будет осень стоять за спиной.

Завтра мой дом раскалится на солнечном блюде.
Лето в разгаре; весь мир, будто ярмарка грёз.
Праздник повсюду; родные, знакомые люди!..
Только подушка к утру станет влажной от слёз...

Знаю, таким жалок я предстаю и противен
Взорам твоим, и толпе, и себе самому.
Только в душе лишь промозглый ноябрьский ливень
Хлещет весь год без конца, отчего — не пойму.

2007

ПАНИКА

Ни сладкие речи, ни добрые вести
Людей не избавят от боли телесной.

Их райские кущи – чужие подъезды;

Разбитые судьбы – симптомы болезни.

А паника вызвана кличем всеобщим
О том, что, мол, жить надо как-то попроще.

ЛЕТАЮЩИЙ ОСТРОВ

Я к острову далёкому причалю,
Надеюсь, он пока необитаем.
Лишь только прикоснусь к его причалу,
Как чувствую: мы с островом взлетаем.

Тогда я прокляну свои печали
И взмою в высоту, зачем не зная.
Я к острову какому-то причалил.
Теперь же оказалось – он летает.

Здесь нет людей, нет ни мужчин, ни женщин.
Покачивает малость, как Икара.
Я пережил невиданный доселе,
Довольно необычный катаклизм.

Жратвы полно, но нервы на пределе.
Ведь нету крыльев, газа, нету пара.
Пространство есть, но я в него не верю,
И только тянет, сильно тянет вниз.

Я к берегу безлюдному причалил.
Мои мечты и помыслы кристальны.
Вот только совладаю с вертикалью,
Коснувшись невзначай небесной тайны.

Вокруг простор, но всё на грани срыва.
Мгновенья, упоённые полётом...
Ещё чуть-чуть, глядишь – и край обрыва.
Небесные шумят водовороты...

Страх высоты невольно отступает.
Есть силы на рискованный манёвр.
Уже я где-то видел, вспоминаю –
Кусок земли, как сказочный ковёр...

Он кажется буфетом театральным,
Открытым накануне звездопада.
Я, словно пассажир аэроплана.
Теперь мне не грозит робинзонада.

Немного гравитация мешает,
Но я – рождённый ползать оптимист.
Какой-то остров подо мной летает.
Меня же очень сильно тянет вниз.

ИЗ ВАВИЛОНА

Утренним рейсом я вылетаю из Вавилона.
Слуги мои меня ждут и готовятся к встрече.
Пасмурным утром, не замечая следов, исчезаю,
Лечу первым классом,
салон для курящих, на крыльях дракона.
Путь мой далёк и бесцелен. Прощай, Междуречье...

Бури песчаные следом за мной не поспевают.
Тропы избиты копытами единорогов.
Стены ущелий исписаны строками гимнов.
Я сохраню в своей памяти пыльные дали
И дворцы королей, холод их твёрдых порогов...

Имена здешних женщин труднопроизносимы,
Красота их поистине сказочна, нравы фривольны.
Длинноногие прапрабабушки Нефертити...
Бурная вспышка страсти, как средневековый символ.
Им отъезд мой ничуть не сделает больно,
Но придаст новизны ритуальному ходу событий.

В моей памяти до сих пор сияет оазис из женских лиц.
Высочайшие идеалы мира перед ними падают ниц.
На священной земле Вавилона правят духи степного ветра.
Наши страсти им незнакомы, их поглотит бурная Лета.

Одноактная пьеса о древней любви подошла к концу.
Хоть и ветрены местные духи, уныние им к лицу.
Возвращаюсь из ниоткуда, не помня, в который раз.
Подо мной пытит крылатая рептилия, как пегас.

Прощайте, загорелые фрейлины Семирамиды.
В затхлых пантеонах тонущей Атлантиды
Мне будет вас не хватать.
Средневековью несвойственно пуританство.
Это говорю я, чей фантом, покорив пространство,
Обратил ход времени вспять.

Оглушённый бездной эпох и тысячелетий,
Из разноязыкого хора восклицаний и междометий
Мечтаю вырвать один лишь возглас —

Как будто чей-то знакомый голос
Вдруг так по-доброму, тихо спросит:
«А, это ты? Ну где тебя носит?»

2002

АВРОРА

Я вижу в небе имя твоё.
Читаю надписи на струях дождя.
Мы спотыкаемся об имя твоё,
Вдруг из зенита в сумрак войдя.

Ты будешь с нами холодна, но проста,
Своею лёгкостью сгущая тона.
Один из нас в твои вопьётся уста,
Другой глаза твои иссушит до дна.

Не часто встретишь имя твоё.

Оно, как эхо, как луч света во тьме.
А мы стоим под ним и славим его,
Где запах прошлого сгорает в земле.
Любовь вчерашних долговечней всего.

Любовь, как пашня. Запрягайте коня!
Когда даст всходы, позовите меня.
На мне болтаются оковы грехов.
Коптится небо в пелене облаков.

Провозглашаю мир во имя твоё!

Лесные птицы вдруг услышат мой крик.
Всё станет мёртвым, станет злом в один миг.
В тепле её несбывшихся чувств
Мы ищем кров и праведный путь.

В ладонях ветра отсырели поля.
Под шаг ложится чуть живая земля.
Они не слышат даже сердца в груди,
Посланцы ветра, у них всё позади.

Я вижу вновь тебя святой и немой.
С высот небесных окупись в мою боль!
Тебя рисует в холод мудрый огонь.
И ты смеёшься. Возвращается зной.

Я знаю душу, но не имя твоё.

Зимую тихо, в снег уткнувшись лицом.
В той тишине твои шаги не слышны.
Придёт весна и пустит небо на слом.
Я приближаю сумрак, вместо весны.

Вчерашний день был слишком долог и хмур.
Вчерашний путь был также свят и далёк.
Скрывают тени монументы скульптур,
Оставив солнцу только имя твоё.

Тревогой сумрак отгорожен от нас.
Нас водрузили на пустой небосвод.
Внизу светает, брызжут искры из глаз.
Тобой спасается от мрака народ.

Мы сложим в небе имя твоё!

Силён не тот, кто любит бурю и шквал.
Не тот правдив, кто склонен молчать.
Богиня утренней зари, мир устал!
И не прозреть ему, уста не разжать.

ЗЕНИЦА ГОРГОНЫ

Кипят нешуточные страсти;
Мифологический кошмар:
На сцене и в миру отчасти
Все каменеют – млад и стар

От взглядов чудища-медузы.
Так в обывательской глуши
Трещат божественные узы –
Мечь неприкаянной души.

Аплодисментов гулкий отзвук...
Аффекты пламенной игры...
Выводят зрителей на воздух.
В слезах Горгона жжёт костры.

Внимает возгласам сирен
Знамёна принявший другие
Великий павший Карфаген.
Ремни Горгона рвёт тугие.

То не проклятие Афины,

Не ахиллесова пята.
То выдох огненной пучины,
Что вложен в женские уста.

Горят поникшие святыни,
Отходят царства в небытие.
Горит Олимп, и на латыни
Всё тонет в жалобном нытье.

То не всевидящее око
Метает взгляды там и тут,
А тень бессмертного порока,
Беды, какой нигде не ждут.

То гнев любви. «...Чего же боле,
Что я могу ещё сказать?..»
Огнетушители на поле!
На поле брани гибнет рать!

Горят надежды, замков своды;
Мир гибнет, в пепел обратясь.
Так бурит горные породы
Душа, на вертеле вертясь.

Всё каменеет повсеместно;
Водою в океане пресной
Бурлит и ртутью в наших венах –
Нас уличает в переменах.

Пронзает сны огнём геенны
И, явь нетленную кляня,
С кокетством алчущей сирены
Горгона смотрит на меня...

ОСЕННИЕ ТРОПЫ

Глядишь, и лето миновало,
Как призрак, удалилось прочь...
В осеннем сумраке блуждала
Озябшая седая ночь.

Стихали суетные звуки.
Склоняли кроны дерева.
И руки вновь встречали руки,
Уста роняли в них слова.

Свыкалась нехотя с зарёю,
Надёжно скрытая во мгле,

Даль, наречённая Землёю.
Рождалось утро на Земле.

Из поднебесной тишины
Звучали птичьи голоса.
В туманы погружались сны.
На травах вызрела роса.

То чей-то облик незнакомый
В зеркальной глади на пруду
Скользил, исполненный истомы,
То исчезал, как на беду.

Сентябрь пылкие натуры
Клянут, оплакивая май.
Смолкают птицы-балагуры.
Кругом одно «прости-прощай».

Природы тонкое искусство
Питало драмы естество.
Всё больше обострялись чувства.
Миров наметилось родство.

Всё то, чего не замечали
За солнцепёком летних дней,
Являла жизнь. Шаги звучали —
Сентябрь шествовал по ней.

Под зов трубы петляли годы,
И юность, где-то заплутав,
Глотнув неведомой свободы,
Свой дерзкий обнажала нрав.

Монеткой, брошенной на счастье,
Сей мир парил среди миров.
Накликать хмурое ненастье,
Казалось, был уже готов.

Вкус жизни с терпким ароматом
Дарами осени сдобрён.
Тропой осенней воровато
Себя пришпорил бег времён.

У дома отчего, немного
Замедлив шаг, как на хмеле,
Шаталась праздная тревога,
Свечой горела на столе...

СЕМЬ КРУГОВ

Когда соль твоих слёз растекалась по листьям деревьев,
Серой тенью ветров я трепал чьи-то пёстрые флаги;
Хлёсткий шелест осеннего ливня мне вторил,
Но скоро
Я вернусь в мир, который в моё возвращение верил,
Поселюсь в опустевшем, покрытом туманом овраге,
Чтобы где-то во мгле отыскать свои корни —
Опоры...

Я бывал на короткой ноге с самим чёртом,
Брал без спроса любовь, уходил в никуда, возвращаясь.
Когда терпкая муть моих рек в межсезонье замёрзнет,
Я, пройдя семь кругов, буду изгнан из тесного рая.

Семь кругов — это путь к очищению
Моей плоти от бремени сора земного.
Семь кругов — веский груз впечатлений.
Их весьма нелегко описать либо выразить словом.

Как ни больно поверить, что радости жизни не вечны,
Всё равно остаётся, в конце остаётся дорога.
Семь кругов тишины, будто облако ляжет на плечи,
Стихнут страсти мои, и наладится жизнь понемногу.

*

Мыс печали твоей омывают большие моря.
На ресницах твоих тает мраморный снег Антарктиды.
Твоё имя кричит с пожелтевших страниц словаря,
Но, в туман погружённый, твой дом уже скрылся из виду.

Я боюсь, что со мной может сделаться приступ бессилья.
Это дрожь моих рук пробегает по недрам планеты.
Посвящаю тебе семь фигур пилотажа без крыльев,
Обретая себя, вопрошаю в отчаянье: где ты?!

Поры года смешались, смешались цвета у знамён,
А у призраков вдруг оказались знакомые лица.
На крючках мироздания болтается глыба времён,
Её скрип возвещает, что самое время проститься.

На руках у тебя, извиваясь, мерцает рассвет.
Рассыпается вечность под крик улетающих стай.
Будь, что будет, что было, что есть... Или нет...
Естество небытия оспоримо, но всё же прощай...

К ОРФЕЮ

К тебе, проживавшему у подножья горы Олимп,
Чьей стала женою прекраснейшая из нимф,
Способному гласом своим приручать зверей,
Взываю негромкою трелью души своей.

Тебе, о фракиец, на лире игрок, пиит,
От власти Олимпа сквозь темень веков сокрыт,
Я будто молитвой, хотя ты к молитвам глух,
Взываю строкою, прочитанной робко вслух.

Послушай меня, не касаясь волшебных струн:
Нельзя допустить, чтобы Зевса сразил Перун!
И слогом пронзив непролазную толщу лет,
Презрев Диониса, мы страсти сведём на нет.

Руном золотым усмиряешь ты гнев богов,
А пеньем огонь преисподней гасить готов...
Аид с Персефоной тобою восхищены.
И в смерти жены твоей нету твоей вины.

Пока мы в фаворе ещё у богов и нимф
И, верно, сгодимся на что-то и без молитв,
Мы в сговоре с солнцем, с владыкой семи морей.
Спасай же свою Эвридику от зла скорей!

Всё думаю, Лира, что слышат в игре твоей?
И в строчках моих, *что* потомки прочтут, Орфей?
А вдруг весь восторг адресован был не тебе,
А ангелу в небе, игравшему на трубе?

Взываю к истории, к будущему строкой,
В молитвах за здравие, но не за упокой.
Пусть сумрак свергая,
везде воцарится свет!
Пусть лира золотая
внимает тебе, поэт!

ЧЁРНЫЙ ЛОСКУТ

Я чёрных ягод сок
Без устали глотаю
И суть былых невзгод
На чёрный ус мотаю.

Фортуне вопреки
Меня накажет случай.

За мелкие грехи
Судьба, меня не мучай!

Себя корю в сердцах
За глупые ошибки,
И слёзы на глазах
Сменяют тень улыбки.

Сквозь лоскут чёрных туч
Глядят мои светила.
Я жутко невезуч.
Но жизнь меня простила.

Мне снится чёрный сон.
Чернеет царство ночи.
Являюсь на поклон
К судьбе своей. И к прочим...

Я – тёмный человек;
Вся жизнь моя – экзамен.
Не сдвинуть мне вовек
С души тяжёлый камень.

Заслышав, тихий зов
Туманом скрытых далей,
В путь ринуться готов.
Но цель найду едва ли...

Как жертвой суеты,
Мной движет нетерпенье.
Хоть помыслы чисты,
Сам чёрен от рожденья.

Мой разум просветлён,
Но облик мой порочен.
Весь мрак не выгнать вон
Из недр души. А впрочем...

ПОЛНОЧЬ В САДУ

Тихо полночь идёт по саду.
Кроны древ волшебства полны.
Как разгаданные шарады,
В лунном круге мерцают сны.

Ночь. Поникли во тьме аллеи.
Где-то изредка слышен треск.

А скульптуры, во тьме белея,
Отражают подлунный блеск.

Тени брошены в беспорядке
И блуждают то здесь, то там.
Их бесформенные остатки
Тьмой развешены по кустам.

В плотный сумрак сгущает воздух,
Летней полночи власть тверда.
Возвращайся, пока не поздно;
От красот не сыскать следа...

В полнолуние сад украшен
Ароматом своих плодов.
Как нектар из античной чаши,
Пригубить ты его готов.

Всё проникнуто ожиданьем
То ли чуда, то ли зари...
Под ритмичным ветвей качаньем
Соки жизни текут внутри.

И на ветках на тех побеги
Прорастают, да всё не те,
И, как всполохи в хмуром небе,
Растворяются в темноте.

2007

В этой жизни я насолил не многим.
Но хожу, высоко поднимая ноги.
Чтобы вмиг угодить на любой порожек
И возможных, увы, избежать подножек.
Всякий раз из рук упустив удачу,
Не жалею ничуть, не зову, не плачу.
Всё пройдёт, как классический дым – я знаю,
Но пусть сбудется лишь то, о чём мечтаю,
То, о чём я украдкой прошу у Бога –
Ни тюрьмы, ни суммы, да тепла немного.

2012

Наталье Правдицкой

И правда в имени, и музыка в душе,
Напевность давняя и будущего ноты.
Вся из традиций, но не из клише.
Твоим крылам под стать небес высоты.

Лелею в памяти черты твои лица
На фоне юности, увы, на нет сходящей.
Вручил тебе создатель дар творца,
Как Немезиды острый меч разящий.

Нам, из страны картофельных полей,
Ещё слышны призывы звучной лиры.
Ты только одевайся потеплей —
Неласков ветер Северной Пальмиры.

Гродно – Санкт-Петербург

МОЙ ДРУГ НИКТО

Стихают гимнов пламенные звуки...
Лети отсюда, ангел, поскорей.
Не крылья, а мозолистые руки
Мелькают в тусклом свете фонарей.

Не шпаги оголяют на дуэлях,
Чуть что, перчатку недругу швырнув,
А мускулы качают в мирных целях
У нас, за пояс рыцарей заткнув.

Манерами, осанкой благородной
Небесное ты царство покоришь.
У нас же стал в почёте стиль свободный
И грубой силы власть установил.

Проблема в том, что мы, соблазнов дети,
Не веруем друг в друга, как в себя.
Мне чёрт не брат, — я сам за всё в ответе.
А кнут и пряник — это для тебя.

Имён твоих я помню единицы,
Таким, как я же, имя — легион.
Пусть нашей биографии страницы
Судьба листает ангельским крылом.

Пусть я – никто, а ты, мой друг, – тем паче.
У ангелов упал авторитет.
Быть может, в жизни будущей иначе
Определятся роли и сюжет.

НАД НЕБОМ

1

Над небом прах земной любви развеян,
Где молчаливы чахнут тени звёзд.
И в световых столетиях измерен
Наш путь друг к другу — подождённый мост...

Обречена на вечные скитанья
Туманность неприкаянных судёб.
Над небом сплошь иные расстоянья —
Для вечных странствий благодатный хлеб...

И все по горло сыты этим хлебом —
Экспресс-маршрутом «Колыбель — Погост».
Развеян миф любви земной над небом,
Затерян меж планет уютных гнёзд.

2

Испустим дух... Порок растопчет души,
Звезда Полюнь испепелит тела,
Пока сладкоголосые кликуши
Вещают, что на лад пошли дела.

И души к звёздам льнут, склонив колени:
«Где нам пополнить воли, сил запас?»
А звёзды им: «Возьмите наши тени,—
Пусть от напастей укрывают вас».

И вспыхнут, вместо звёзд, кресты распятий
Сквозь гулкий сумрак, вечности оскал,
Смыкая в нерушимости объятий
Конец времён с началом всех начал.

3

Лишь над землёй всё покорится свету,
Над небом тот час в сумраке ночном
Куда-то шлют прощальные приветы,

Кому-то души каются в былом.

Над небом сплошь ветра земные веют,
Тень на плетень швырнув на свой манер...
А над землёй смиренно звёзды тлеют,
Дневным светилам подают пример.

Поверь дневным светилам, сделай милость,
Придай пространству святости предел,
Где обретают душ пути земные
Небесные орбиты наших тел.

'12

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Натянутый над колыбелью февральских вьюг,
Поник горизонт вдалеке, как увядший плющ,
Но вырванный с корнем на западе, станет вдруг
Зарёй на востоке, величествен и могуч.

Насупившись, дремлет хозяин семи морей,
Смиряет свой гнев, хоть врагов у него не счесть.
Весна уже близко, и мир у её дверей
Парит, будто ангел, несущий благую весть.

Глядят друг на друга сквозь мрак полюса Земли,
Земными страстями снабжая и жизнь, и смерть.
Глумятся стихии, но их времена прошли.
Экватора пояс страхует земную твердь.

Воздвигнутый в честь поражений позорный столб
Отныне кому-то сгодится и как маяк.
И глыба Голгофы торчит меж равнин, что горб.
И доблесть растрочена вся. Только не в боях...

Закатное солнце уныло чадит свечой.
В краях же иных оно пристально смотрит вдаль.
Мне кажется, оно хочет своим лучом
О чём-то сказать и развеять свою печаль.

То видится всякое в солнечных бликах звёзд,
То наш покровитель — ярчайшее из светил.
Загадками полнится, нрав у него не прост.
Любую планету использует как фитиль.

Любое вторжение в Царство Больших Огней —
Постыдная глупость с трагичным, увы, концом.

Останемся с миром в душе на остаток дней;
С загаром на коже, чтоб в грязь не упасть лицом.

Вся жизнь, словно амплитуда меж «да» и «нет».
Молчит Высший Разум, в уныние погружён.
Уходит в забвение пламенный дух побед,
Побед над природой. А разве в них был резон?

Гордыня и ложь образуют порочный круг,
Змеятся, как призраки вспять обращённых рек.
Победы одержаны, каяться недосуг.
Осталось замедлить лишь времени скорый бег.

Светила, как люди, — в них скрыты добро и зло.
Их сила питает, неведомая умам.
Не верь искушенью, подставив лучам чело.
Они оттеняют соблазны — твой вечный срам.

Живи без оглядки, смотри по ночам во тьму,
За пульсом планеты следи из своих газет.
Но помни, что жизнь продолжается потому,
Что кто-то меняет нам дни на ночи и тьму на свет.

Слышишь, как шепчутся птицы?
Птицам сегодня не спится.
Им отчего-то тревожно.
Может, и нам с ними можно
В небо бездонное взвиться
И полететь над домами,
Ветер ловя парусами,
И покоряя высоты,
Сквозь упоенье полётом
Вдруг ощутить, как тревожно
птицам. От счастья, возможно...

ЭЛЕГИЯ

Когда уже некуда больше идти,
Давно позади все былые тревоги...
И к счастью давно позабыты дороги,
И наших следов там уже не найти,
Когда уже некуда больше идти.

Давай распахнём же врата вековые
Покинутых всеми чертогов, палат,
Свой дух закаляя для боли утрат.
Всё будет неясным. Всё будет впервые.
Давай распахнём же врата вековые...

На скользких ступенях, ведущих в тартар,
Застыла в затишье пучина страстей.
В небесных покоях не чают гостей,
И люд вечно мается, молод и стар —
На скользких ступенях, ведущих в тартар.

Всё снова неясно. Всё тает во мгле.
И я, оглашенный, туда же бреду
По минному полю, по тонкому льду.
Как будто мне места уж нет на земле.
Всё снова неясно, всё тает во мгле...

